

Секция «44.33 Уголовное право, уголовно-исполнительное право и криминология»

Легитимность публичной власти под воздействием коррупции: проблемы квалификации

Научный руководитель – Цагикян Степан Шантович

Мурадян Вардгес Каренович

Студент (бакалавр)

Российско-Армянский (Славянский) университет, Институт права и политики, Кафедра уголовного права и уголовно-процессуального права, Ереван, Армения

E-mail: vmmuradyan@mail.ru

В демократическом правовом порядке избирательные права выполняют не только процедурную функцию сменяемости власти, но и структурную функцию легитимации публичного властвования. Коррупция в избирательной сфере должна рассматриваться, не как совокупность преступных эпизодов, а как институциональный дефект производства политического представительства: она искажает условия свободного и равного волеизъявления, снижает доверие к результату выборов и подрывает признание власти как правомерной.

С уголовно-правовой точки зрения это означает, что объект охраны выходит за рамки «правильности подсчета» или «законности процедуры» и включает общественные отношения, обеспечивающие достоверность формирования властных институтов. В этой плоскости коррупция становится фактором системного вреда: даже при отсутствии доказанного обмена «взнос - решение» возникает устойчивая видимость зависимости власти от финансовых центров, что само по себе обесценивает демократическую легитимацию.

Для уголовно-правовой секции принципиально важно придать категории «легитимности» строгий теоретический смысл, не сводя её к социологической «поддержке». В нормативистской теории Г. Кельзена правовой порядок мыслится как иерархия действительных (валидных) норм, а государственная власть - как производная от действительности правовых предписаний. Отсюда следует методологически вывод: дефекты процедур производства власти поражают, не только отдельные решения или персональный состав органов, но и основание нормативного «долженствования» публичной власти, поскольку именно процедура связывает исходный источник легитимации с последующим действием норм.[1]

В применении к коррупции избирательных отношений это означает, что финансирование кампаний, подкуп и злоупотребление административным ресурсом следует описывать как посягательства на условия валидного формирования представительства: они не просто нарушают частные запреты, а деформируют механизм воспроизводства правового порядка через свободное и равное волеизъявление. Такая рамка позволяет уголовно-правовой догматике точнее выявить объект охраны и объяснить, почему даже «структурные» формы зависимости политики от денег способны породить легитимный ущерб, сопоставимый с ущербом от прямых фальсификаций.

В зарубежной доктрине центральное место занимает тезис о том, что финансирование избирательных кампаний формирует коррупционные риски двояко: как прямой подкуп и покупка влияния (*quid pro quo*), и как структурная зависимость политических кампаний от доноров и посредников, порождающая «захват повестки» и неравенство политической конкуренции. Для уголовного права ключевым является второе измерение: оно создает сложные для доказывания формы зависимости, маскируемые под легальные пожертвования, оплату услуг или третье финансирование.[2] Практическая проблема состоит в том, что социально опасный результат проявляется кумулятивно, тогда как уголовно-правовая квалификация традиционно ориентирована на локализованный эпизод.

В доктрине и правоприменении отсутствует единого универсального понятие коррупции. В разных правовых порядках и научных традициях коррупция описывается либо как разновидность преступности, либо как социально-правовое явление, либо как институциональная деформация управления. В связи с этим в настоящем исследовании предлагается авторское определение коррупции.

Сравнительный анализ показывает различие правовой архитектуры антикоррупционных категорий. В Республике Армения используется конструкция «коррупционных преступлений» через перечень, закрепляемый Уголовным кодексом и далее применяемый в смежном законодательстве. Такой подход повышает формальную определенность: у правоприменителя заранее очерчен массив составов, относимых к коррупционным.

В УК РФ не содержится единого кодифицированного блока «коррупционных преступлений». На практике используются ведомственные перечни статей, что обеспечивает гибкость, но способен породить риски неоднородности квалификации и неопределенности критериев «коррупционной направленности». Для сферы выборов это особенно чувствительно: одни и те же фактические обстоятельства могут интерпретироваться как «электоральное преступление», «должностное злоупотребление» или «имущественно-документное» деяние в зависимости от следствия или суда.

Ключевые квалификационные сложности в российской системе возникают из-за конкуренции норм и сложности доказывания финансовых контуров. Во-первых, наблюдается конкуренция «специальных» электоральных составов с общими составами должностных и коррупционных преступлений. Дополнительная неопределенность связана с тем, что в российской доктрине и законодательстве отсутствует единое понятие «коррупции» как уголовно-правовой категории. Поэтому ряд статей УК РФ об избирательных правах по своей сущности может описывать нарушения процедурной достоверности выборов, но не всегда имеют коррупционную природу, потому что нет всех признаков, которые присущи коррупционным преступлениям.

Принцип *ultima ratio* требует применять уголовное право как крайнее средство, не подменяя им комплексное регулирование политического финансирования. Проблема состоит в дисбалансе: либо происходит криминализация формальных нарушений финансовых правил, что снижает соразмерность и эффективность, либо отсутствует чёткая и неизбежная уголовно-правовая реакция на «ядро» наиболее опасных практик, что стимулирует рациональную стратегию «покупки риска наказания». В качестве решения предлагается модель сфокусированной ответственности: точечная криминализация системного подкупа, тяжёлых форм незаконного финансирования и злоупотребления публичными полномочиями, непосредственно искажающего свободное волеизъявление, при одновременном усилении внеуголовных контуров контроля.

Источники и литература

- 1) Kelsen H. Pure Theory of Law (Reine Rechtslehre) / Чистое учение о праве.
- 2) Issacharoff S. On Political Corruption. Harvard Law Review. 2010/2011.